

Герман ИОНИН

НА ОКОЛИЦЕ РУСИ

Кутх в ительменской прозе

Народные сказки, посвящённые Кутху, – кажется, единственный зафиксированный письменно источник изучения мифологии ительменов. Как известно, ительменские мифы, сакральные и ритуальные тексты (устные версии) утрачены либо в своё время не были записаны. Сказки как отражение религиозных и мифологических представлений требуют особого подхода. Сугубо религиозный образ переживает в них существенные метаморфозы, определяемые жанром. Порою трудно по сказкам восстановить первоисточник. Мотивы, образы, интонации настолько изменились, что их нужно специально выявлять, узнавать, реконструировать, устанавливать генезис. И тут на помощь приходят другие источники, где миф не претерпел изменений или, по крайней мере, не перешёл в другую жанровую сферу интерпретации.

Но с ительменскими сказками дело обстоит иначе. Образ главного божества – Кутха – явно религиозного происхождения. Став главным сказочным персонажем, ворон-демиург, часто являющийся в человеческом или антропоморфном облике, в соответствии со своей мифологической природой, обнаруживает черты культурного героя и героя-трикстера, но при этом сохраняет не только имя божества, но и особенности своего изначального облика, своего зоо-антропоморфного естества, видимо, в какой-то мере, и свои божественные свойства и атрибуты. С другой стороны, став главным, чуть ли не единственным героем ительменских сказок, ворон Кутх, очевидно, стал образом более широким, воплотил в себе некоторые, может быть, особенно важные и колоритные проявления национального характера, «тайну национальности», приоткрытую не только в поступках героя, но и в тональности, в отношении народа к своему сказочному герою-божеству, или, точнее, к своему божеству, ставшему героем сказок.

Глубокий знаток родного фольклора и духовной традиционной культуры ительменов и коряков Георгий Германович Порогов,

естественно, не мог обойти образа Кутха. Он записывает и публикует сказки и легенды о Кутхе (1961 г.: «Ездил Кутх на горбуше», корякская сказка; 1974 г.: «Кутх: Ительменская легенда» и мн. другие). В соавторстве с В.В. Коянто в 1969 году выпущена книга «В стране Кутхи» – таким образом, имя мифологического персонажа и сказочного героя теперь уже обобщённо открывает читателю целый мир – землю и характеры живущих на этой земле людей – представителей двух родственных народов. В этом же контексте интересен и созданный Г.Г. Пороговым стихотворный цикл о бедняке Оэ («Оэ не охотник», «Оэ напел беду», «Оэ и Ая», «У Оэ свадьба», «Неудачник Оэ» и др.), – цикл, сформировавший целую повесть в стихах – своего рода «народную книгу». Неунывающий бедняк Оэ, который в любых, самых «невозможных» ситуациях не теряет чувство юмора, по духу сродни главному герою ительменских сказок. Тема эта заслуживает углублённого и полного, монографического исследования в связи с богатым опытом поэта, писателя и драматурга в его попытках воссоздания национальных черт своих любимых героев. Фольклорная основа творчества Г.Г. Поротова даёт о себе знать и в романе «На околице Руси» (первая книга – 1979 г.). Причём речь идёт не о прямых заимствованиях и использовании отдельных мотивов, а о глубинном осознании писателем родной традиционной культуры как нравственной и эстетической почвы национального искусства слова.

Первая книга романа, посвящённая досоветскому периоду жизни народа в годы гражданской войны, наиболее колоритна и поэтична. Остановимся всего лишь на одном эпизоде, имеющем отношение к нашей теме.

В главках «Сильная трава» и «Яроводье» с большой симпатией обрисован характер «старичка-лесничка» Македоныча. В своём нравственном поединке со старостой Илларием, служащим временной власти на Камчатке, он, казалось бы, терпит поражение. Не удалась попытка добыть «Сильную траву», дабы восстановить свой прежний авторитет на сельском сходе в Милькове. Дед почти уже добыл траву – в точном соответствии с хорошо известными ему традиционными знаниями и поверьями: выследил красногрудого дятла, который, пробивая закупоренное человеком гнездо в стволе тополя и тем спасая своих птенцов, обронит, при появлении Македоныча, принесённую им в клюве Сильную траву, а Македоныч врежет эту траву в свою ладонь, и кулак его приобретёт смертельную силу – как у легендарного Тылвала. Не вовремя появились староста Илларий и гость, «инспектор училищ» Сусляк (только что ради забавы избивавший веслом

красавцев лебедей на реке), который, за смелое слово Македоныча – чуть не сжёг его на стволе тополя. Нешуточный поединок с представителем власти! Но простой силой здесь не победить. Источник нравственного превосходства – в ином. И вот – новый шаг в интересующем нас эпизоде. Македоныч, так и не добывший Сильную траву, устраивает в лесу, подальше от людей, «театр»: ругает корягу (наряжённую купцом Лаврушкой, из-за которого каждый год сельчане «остаются голодными»), тычет, произнося «ласковые слова», старый пень, символизирующий попа Астапчука, стегает ремнём берёзовую наляпину, на которую накинут кафтан старосты Иллария, сопровождая свои действия нужными «наставлениями». Илларий неожиданно оказывается рядом и весьма точно называет такую комическую расправу – «театром»: это уже не силовой, а своего рода эстетический способ борьбы за своё поправленное достоинство. Но и такой (вызывающий улыбку) способ бессилён. И вот – как бы совсем незаметно (и тоже не без юмора) – в главе «Яроводье» сделан прямой шаг к введению в ткань повествования темы Кутха. Во время беседы с Илларием, который выпытывает у Македоныча одну из известных ему тайн рыбного промысла, с тем чтобы потом воспользоваться ею в своих целях, – вдруг на лоб лесника падает «зелёная с белыми прожилками слизь». Македоныч узнаёт божественный «сигнал», он объясняет непонимающему Илларию: «Не ворона это... Не видишь ты... Глянь хорошенько – ворон летит. Ворон крупнее вороны, хвост у него клином, у вороны – полукруглый, наподобие ламутского фартука-нелли. Ворон не каркает, а булькает, как Полуэкт при разговоре. Раньше священной птицей на Камчатке...». Непонимающий староста обрывает лесника: «Раньше, раньше, кончилось «раньше»... Зачем брата с вороном роднишь?..» Македоныч «сник»: «Время назад не ходит». Казалось бы, и повествователь согласен с таким грустным «итогом»: «Так на Едоме в этот день староста порвал тонкую нить старины».

Но оказалось, что «нить не порвана». «Связь времён» восстановлена молодыми. И здесь, в главе «Рыбалка», на первый план выступает поэтичный и эпически мощный образ юноши Валвы. Он старше других ребят, участников ловли. Вообще, создавая эту главу, Г.Г. Поротов, может быть, вспоминал очерки И.Тургенева «Бежин луг» и «Певцы»... Внешнего, ситуативного и мотивного сходства тут вовсе нет. Роднит с Тургеневым не подражание, а внутреннее, поэтическое сродство – искусство бережной, одухотворённо тонкой обрисовки молодого характера, живой души народа, его надежды. Валва показан многогранно – и в труде,

и в дружбе, и в готовности к подвигу (когда нужно спасать погибающего товарища), и в неподдельном горе, когда товарищ погиб, и в любви, и в неожиданно тяжких испытаниях на пути к счастью. Его душа богата. Мы не сразу догадываемся, чем вызваны перепады его настроения. Повествователь здесь психологичен и точен: «От весёлой выходки старшего друга ребята оторопели: откуда у молчаливого Валвы взялся такой искристый голос, с какой поры родилась у него эта тревожная страсть к пению...» Да, он счастлив ожиданием первого свидания. Песня за песней... «Пел он радостно, самозабвенно: оборвись голос – и не станет Валвы, перестанет смеяться лес, заглохнут горы... А навстречу издалека, как отзвук, тихо выплывал другой голос: нежный, протяжный, тоненький, как травинка земли». «От речки к речке тянулась песенная нить Валвы, сверкая гранями необузданной удали». Память об этом – глубоко в душе юноши. Но молчаливый Валва как будто предчувствует испытания и горе и неожиданно спрашивает притихших товарищей... о Кутхе. Образ его встаёт из тех глубин духа, где живёт неистребимая вера и где как бы сама собою возобновляет себя порванная «тонкая нить». Оказывается, она неразрывна.

В «Бежином луге» ребята говорят о таинственном и страшном. Здесь – разговор о Кутхе начинается со смешного. Акиндин, видимо, наслушавшись прежде дьячка Агафангела, который «нарочно перевирает ительменские песни», называет Кутха «стариком, пройдохой и неудачником» и рассказывает о нём некие небылицы, являющие Кутха в смешном и жалком виде. Валва перебивает его: «Кутха-Кутхай – по ительменским сказкам – старичишка, а я говорю: Кутх! Это совсем другой...»

И вот оказывается, что «Песня о Крылатом Кутхе», рассказанная ещё бабушкой Валвы, ительменкой, своему мужу, ссыльному поляку, и «сделала её складной», стала Родовой песней. Вот отрывок из неё:

*Когда это было –
Не помнит никто,
Но люди сложили
Нам песню про то,
Как в давнюю пору
На горные кручи
Из бурного моря
На крыльях могучих
Кутх прилетел...*

Отец подарил эти строки Валве и часто говорил ему: «Песня о Крылатом Кутхе – песня о Любви, запомни её, береги, и когда женишься, вырастут дети, то передай им по наследству».

Но Кутх, божественное воплощение Любви, это не только предание, миф, вера, песня. Он живая, неумирающая душа Камчатки, в этом смысле он продолжает бытьдемиургом,творящим и оберегающим Любовь и Семью. Кутх прилетает Валве на помощь – как раз накануне трагического события (гибель товарища) и горького испытания (несбывшееся сватовство).

«Где-то вверху над балаганом прошумела крыльями птица и немного погодя от топольника донеслось душераздирающее: «Кру-кру-кру!»

– Тише вы. Вот он – зашептал Валва. – Когда у Кутха умерла жена Мяты, а дети разбрелись по горам и долинам, то он покинул Камчатку. Но иногда по ночам прилетает навестить родные места и свою тоску изливает в одиноком крике: «Кру-кру-кру!»

Жена умерла... Дети разбрелись... В этих словах Валвы – много значений. Испытания ожидают не только юношу. Это общая участь многих живущих. Наша участь. Мы покидаем бога, и бог покидает нас. Но Кутх возвращается. Его неутолимо тоскливый, непобедимо любящий крик слышат, должны слышать те из его детей, кто помнит сложенную отцами Родовую песнь.

Благуя весть о божестве, созидающем жизнь.

Мифологема Ворона изначально, с незапамятных времён, живёт в традиционной культуре и устном творчестве многих народов. Порогов чрезвычайно глубоко и художественно убедительно намекает на эту всемирность культа Ворона, столь самобытно явившую себя в ительменских сказках и преданиях. Неслучайны чуть приметные намёки (Валва сначала поёт русские песни, его дед был ссыльным поляком, Кутх покидает Камчатку, то есть живёт в других странах, – и возвращается к ней и др.).

И всё-таки именно ительменская Родовая песнь одухотворяет весь рассмотренный нами эпизод романа, полемически названного «На околице Руси».

г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Герман Николаевич ИОНИН родился в 1936 году. Доктор педагогических наук. На рубеже конца 1990-х – начала 2000-х годов возглавлял кафедру литературы в Российском педуниверситете им. А.И. Герцена.